

Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
Серия «Философия. Социология». Том 21 (60). № 1 (2008)

УДК 141

СМЫСЛ ЖИЗНИ КАК ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Цветков А.П.

...Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, тот умножает скорбь (Екклесиаст: 1,18)

В статье рассматривается смысл жизни человека в его отношении к Вечному, Абсолютному, Трансцендентному. В этом контексте смысл жизни трактуется как общечеловеческое призвание и предназначение.

Ключевые слова: *смысл жизни человека, потребность в смысле жизни.*

Эта известная мысль Екклесиаста может быть истолкована таким образом - сколько бы ступеней ни прошел человек на пути познания, перед ним всегда *вечной мукой будет оставаться вопрос: зачем?* И чем выше восхождение по ступенькам познания и жизненного опыта, тем этот вопрос будет звучать, увы, все мучительнее. Тем более, что вопрос “зачем?” фатальным образом смыкается с вопросом “*для кого?*” - для других, для себя или еще Кого-то.

Когда современный человек начинает размышлять о смысле жизни, то ему следует иметь в виду, что речь пойдет вовсе не о точном знании, а, согласно глубокомысленному замечанию Л.Н. Толстого, о некотором роде веры: «одни верят в то, что жизнь не имеет смысла, а другие не верят в это и, наоборот, считают ее исполненной смысла». Наука (как и обыденное знание) самым очевидным образом демонстрирует свою неспособность ответить на вопросы *зачем?* и, тем более, *для кого?* Очевидно, что в таком случае ответ на вопрос о смысле жизни во многом зависит от установки: пессимистической или оптимистической.

Л.Н.Толстой неоднократно обращал внимание на то, что простые люди не ищут смысл жизни, поскольку они его имеют, зато образованные его ищут, но не находят, поскольку убеждены, что в этом им могут помочь достижения науки и цивилизации. Причиной разочарований и страданий, по его мнению, является не сам по себе прогресс, а ожидания, которые с ним связываются, та совершенно *неоправданная надежда*, будто увеличением скорости поездов, повышением урожайности полей можно добиться чего-то еще сверх того, что человек будет быстрее передвигаться и лучше питаться. Материальный и культурный прогресс не затрагивают страданий души. Безусловное доказательство этого Толстой усматривает в том, что прогресс обесмысливается, *если рассматривать его в перспективе смерти человека*. А потому бессмысленно искать смысл жизни только в рамках материального существования и научного прогресса. Первое, в чем проявляется присущее человеку искание смысла - цели жизни, есть «жестокое страдание от окружающей нас бессмыслицы», — утверждал Е.Н. Трубецкой.

Итак, тот смысл, который мы ищем, нам не дан и нам не явлен в повседневном опыте; весь этот исторический будничный опыт, пусть даже оснащенный достижениями научно-технического прогресса, свидетельствует о противоположном - о бессмысленности.

На чем же тогда основывается вера в смысл жизни? Может быть, ее источник следует поискать за пределами наличного бытия, или, говоря проще, за пределами повседневного опыта?

Здесь следует обозначить **первый, принципиальной важности, тезис**. Он состоит в том, что вера в смысл жизни производна от веры в личное бессмертие - связь этих двух предметов веры совершенно несомненна. По-настоящему серьезная постановка вопроса о смысле жизни ставит человека перед проблемой личного бессмертия, поскольку. Как утверждал известный русский философ начала 20 века А. Введенский, «логические требования, вытекающие из содержания понятия смысла, вынуждают нас полагать цель, осмысливающую жизнь, вне жизни; а нравственные требования запрещают допускать, чтобы личность была в каких бы то ни было руках, хотя бы и руках Бога, только средством; между тем, если нет бессмертия, а цель жизни остается вне жизни, то личность оказывается всего только средством или орудием. *Если же, наоборот, мы верим или хотим верить в смысл жизни и в то же время не хотим нарушать ни логических, ни нравственных требований, то мы обязаны верить и в бессмертие* - (курсив наш). Другими словами: вера в личное бессмертие есть условие и логической, и нравственной допустимости веры в смысл жизни» - курсив мой [1, С. 105.).

Логика рассуждения А. Введенского, связывающая два предмета веры - веру в смысл жизни и веру в бессмертие - представляется безупречной. В самом деле, всякие рассуждения о смысле жизни всегда предполагают определенный вариант бессмертия - реальный или иллюзорный. Соответственно, предполагая некое иллюзорное бессмертие (в потомках, в памяти людей, в делах на земле и т.д.), можно говорить лишь об иллюзорном смысле жизни, но только **реальное бессмертие души** может быть основой **реального смысла жизни**.

Для большей убедительности укажем на знаменитую ситуацию, сообщенную Диогеном Лаэртским. Когда Эзопа спросили о том, чем занимается Зевс, Эзоп якобы ответил: «низкое возвышает, а высокое - принижает». Этим странным ответом он хотел сказать, что по отношению к Вечности, которую символизирует бессмертный Зевс, и первый из людей (царь, властитель, богач), и последний из людей (раб, маргинал, нищий) находятся в одинаковом положении - смерть уравнивает всех. И сама мысль о Вечности (в данном случае связанная просто с наличием бессмертного Зевса), а значит, о смерти и бессмертии, самого социально низкого из людей духовно возвышает, а самого высокого - духовно отрезвляя, принижает.

Рассуждая в этом духе, рискнем предложить читателю поучаствовать в необычном мысленном эксперименте. Если скажем, чисто мысленно представить и логически допустить, что мы, все люди, никогда не были рождены и никогда не умрем, иначе говоря, мы становимся как бы тождественными Вечности, то вполне уместным будет спросить самих себя: а возникнет ли перед нами в таком случае

вопрос о смысле жизни и смерти? Очевидно, что нет. Такой вопрос в «границах» Вечности, Абсолюта, обнимающих все сущее, логически был бы невозможен. Значит, поскольку мы смертны, постольку с логичной неизбежностью предстает перед нами вопрос о смысле жизни как своего рода «ностальгия по Вечности» (термин придумал немецкий философ-романтик и богослов).

Следовательно, вопрос о смысле жизни (а значит, смерти и бессмертия) - и это представляется не только логичным, но и очевидным, - рождается из индивидуального опыта переживания трагического факта личной смерти в истории отдельно взятой личной жизни. Да, рождается из индивидуального опыта, но требует ответа не только индивидуального (экзистенциального), субъективного, условного, но, главным образом и в конечном итоге, - ответа универсального (эссенциального), объективного и безусловного. И как раз с этим связаны трудно разрешимые сложности, и первойшая из них – это вопрос: существует ли этот универсальный, объективный и безусловный смысл жизни или нет?

Поэтому **второй принципиальной важности тезис** заключается в утверждении о том, что такой смысл жизни есть, он существует - независимо от того, известен ли он нам или нет, доступен ли он нашему пониманию или не доступен. Будучи постигнутым, он способен обогатить нас, наполнив собой нашу индивидуальность (экзистенцию).

Во-первых, этот объективный смысл жизни существует, потому что именно он является условием возможности всякого субъективного смысла: ибо «спрашивать о смысле – значит задаваться вопросом о безусловном значении чего-либо, т.е. о таком значении, которое не зависит от чьего-либо субъективного усмотрения, от произвола какой-либо индивидуальной мысли» [2, С. 246.]. Вопрос о смысле жизни – это не вопрос о субъективных целях, которые ставит человек, это вопрос «зачем жизнь?», «Для какой такой надобности она?» Однако именно тот факт, что смысл у жизни должен быть, что он есть очевидная потребность человека, образует неприятную трудность для многих людей, насколько спокойнее была бы их, если бы его могло не быть.

Во-вторых, весь вопрос ведь заключается в том, что смысл вообще всякого явления находят за рамками самого этого явления, смысл определяется не изнутри, а извне. И, стало быть, если говорить о смысле жизни, надо иметь в виду тему смерти и вопрошать о том, средством для чего, лежащего вне жизни человека, может служить его жизнь. Просто усматривать смысл жизни в самой жизни, «жить ради того, чтобы жить», - этого право каждого, но надо ясно отдавать себе отчет в том, что эта формула переводе на ясный язык означает: «Смысла у жизни нет, есть просто жизнь, и надо просто жить, – ни зачем... так просто... – от нечего делать».

Но объективный смысл у жизни должен быть, поскольку даже отрицающие его, все равно пытаются хоть как-то позитивно о нем говорить: Альбер Камю, например, пытается показать, что есть смысл жить в ясном сознании абсурда, а массовое сознание убаюкивает себя заклинаниями о том, что «смысл жизни в самой жизни».

Как уже отмечалось, смысл жизни это не только ответ на вопрос **зачем?** но и на вопрос **для кого?** На последний вопрос можно отвечать двояко: можно

говорить о том, зачем моя жизнь другим, – и про это рассуждать очень легко, а можно задаться вопросом, зачем моя жизнь мне самому, – и вот это-то и есть настоящий вопрос о смысле жизни. В первом случае обнаруживается спасительная лазейка для ухода от решения вопроса: вместо размышления о смысле-для-себя проще рассуждать о смысле-для-других. Тут с легкостью выясняется, что жизнь человека может служить на пользу людям, для продолжения рода, для счастья будущих поколений, для всемирной эволюции жизни - все это, хотя и важное само по себе, вполне могло бы удовлетворить биоробота, киборга, но человеку до тех пор, пока он будет сохранять свою субъективную природу все эти аргументы не согреют его сердца, ибо самое главное остается неясным - мне-то самому зачем моя жизнь нужна?

В-третьих, до тех пор, пока человек будет сохранять свою природную сущность, ничто не сможет заглушить в нем того чувства (как сердечного, так и интеллектуального), что смысл жизни нужен человеку, и что основанием подлинного существования может стать только ясный положительный ответ на этот вопрос. И хотя разум подсказывает нам, что никакой ответ на вопрос о смысле жизни, скорее всего не может быть окончательным решением проблемы смысла жизни, не может «снять» эту проблему, **жажда такого ответа**, который бы ложился на сердце, прояснял бы разум, освежал бы чувства, – эта жажда очевидна.

Следовательно, **третьим принципиальной важности тезисом** является постулат о том, что существует неустраняемая потребность человека в смысле жизни в такой степени, что можно говорить об экзистенциальной невыносимости жизни без смысла. Яркий пример постановки проблемы смысла жизни в экзистенциальной философии мы находим в творчестве Альбера Камю, который прямо объявляет вопрос о смысле жизни главным и единственным настоящим вопросом философии: «Есть лишь один поистине серьезный философский вопрос – вопрос о самоубийстве. Решить, стоит ли жизнь труда быть прожитой, или она того не стоит, – это значит ответить на основополагающий вопрос философии. Все прочие вопросы – имеет ли мир три измерения, существует ли девять или двенадцать категорий духа следуют потом» [3, С. 471].

Нельзя не согласиться с этими словами, нельзя не признать за ними предельную глубину. Но что же предлагает Камю в качестве ответа на этот вопрос? Надежда на некий смысл жизни, надежда на то, что некая «превосходящая жизнь идея» способна этот смысл ей сообщить – все это, согласно Камю, «гибельное уклонение» и «жюльничество», мир и жизнь есть абсурд, и вовсе не обязательно пытаться избавиться от него при помощи самоубийства или вышеупомянутой «надежды». Надо в этом абсурде жить, и именно только такая жизнь в ясном предстоянии абсурду может обеспечить подлинность существования.

Однако, несмотря на все заверения Камю о том, что в контексте абсурдности жизни «надо представлять себе Сизифа счастливым», несмотря на все возможное и вполне понятное сочувствие его интеллектуальному мужеству и человеческой боли, позиция философии абсурда не способна дать сколько-нибудь удовлетворительного ответа на вопрос о смысле жизни. И экстравагантные слова о том, что такой ответ вовсе и не нужен, что он означал бы «гибельное уклонение» и дезертирство, не

могут все-таки заглушить того чувства, что смысл жизни нужен человеку, и что основанием подлинного существования может стать только ясный положительный ответ на этот вопрос.

Человек, очевидно, имеет потребность в смысле жизни. Даже те самоубийцы, о которых так много пишет Камю, своим самоубийством доказывают значение и власть этой потребности в жизни человека. Самоубийство, действительно, представляет собой некое «признание», но Камю, на наш взгляд, недостаточно полно его расшифровывает. Полностью оно звучит примерно так: «Я смысла жизни не нашел (или – имел, но потерял), я не вижу (больше) в жизни смысла и отчаялся его обрести, а без него жить мне невыносимо». Камю желал бы игнорировать эти последние слова, но они звучат независимо от его желания, и они являются самыми главными, в них суть.

Не из сознания отсутствия смысла жизни приходит человек к самоубийству, как верно подчеркивает Камю, – никакой связи здесь еще нет, самоубийство является следствием невыносимости жизни без смысла, - вот чего он, видимо, не хочет видеть. Смысл жизни, подчеркнем это особо, является не просто неким «желанием» человека, не прихотью и заманчивой перспективой он является, смысл жизни есть именно потребность в точном значении этого слова. Потребность есть то, что насущно, то, что существенно и необходимо, без чего жизнь человека, по меньшей мере, терпит серьезный ущерб или вовсе невозможна.

Поэтому, говоря о потребности человека в смысле жизни, необходимо использовать еще одно часто употребляемое и поверхностно понимаемое слово. Прежде необходимо произвести уточнение его значения. Итак: всякий вообще человек на земле *призван* к самореализации. Мы настолько часто слышим это слово, что уже отвыкли видеть хоть что-то реальное в нем. А ведь «самореализация» означает не более и не менее как реализацию себя. Всякая реализация предполагает наличие некоего замысла, который реализуется, то есть воплощается. Идея самореализации должна в таком случае означать буквально то, что меня еще нет, есть только некий проект меня, замысел обо мне, реализовать и воплотить который я должен сам.

Предназначение человека заключается, в конечном счете, в том, чтобы стать самим собой, самоопределиться в бытии, свободно реализуя (или свободно отказываясь реализовывать) замысел о себе. Тот, Кто эту жизнь человеку дал, призывает человека свободно обрести самого себя и войти в полноту бытия, - именно это и может быть названо самореализацией в настоящем смысле этого слова.

Все это ставит человека в совершенно уникальное положение: человек - это единственное существо, которое, чтобы в полной мере быть, должно само себя реализовать. Бытие человека, таким образом, представляет собой безмерный риск, который заключается в том, что оно никогда еще не есть бытие в полной мере в готовом виде, оно есть **шанс** обрести себя. Этот шанс может быть использован человеком, но человек может и упустить его, может отказаться реализовывать себя и становится самим собою. Чем человек окажется в таком случае, вопрос, пожалуй,

неразрешимый и очень страшный. «Быть или не быть», – вот в чем вопрос всякой человеческой жизни.

И все же следует отметить, что самореализация как потребность (самоактуализация, по терминологии А. Маслоу) есть одновременно и условие, и процесс обретения смысла жизни. Поэтому в условной иерархии человеческих потребностей - потребность в смысле жизни может занимать высшую ступень.

В этом отношении уместно сказать несколько слов о теории иерархии потребностей А. Маслоу, внося при этом важное дополнение в ее структуру.

Иерархия потребностей А. Маслоу - одна из наиболее известных теорий мотивации - основана на результатах многочисленных психологических исследований. Потребности рассматриваются как осознанное отсутствие чего-либо, вызывающее побуждение к действию. Потребности подразделяются на первичные, характеризующие человека как биологический организм, и культурные или высшие, характеризующие человека как социальное существо и личность (см. рисунок 1).

Рисунок 1.

Согласно теории А. Маслоу, потребности первого уровня – физиологические (потребность в пище, отдыхе, тепле и т.д.) - являются врожденными и присущи всем людям. А потребности более высоких уровней “пирамиды” могут появиться только в том случае, если достигнут определенный уровень удовлетворения потребностей предыдущего уровня.

Так, потребность в безопасности, защите и порядке возникает, если физиологические потребности человека удовлетворены не менее, чем на 85%.

Социальные потребности (в дружбе, уважении, одобрении, признании, любви) возникают при удовлетворении потребности в безопасности на 70%.

Социальные потребности также должны быть удовлетворены на 70% для того, чтобы у человека возникла потребность в самоуважении, которое подразумевает достижение определенного социального статуса, свободы действий.

При удовлетворении потребности в самоуважении на 60% личность начинает испытывать потребность в самоактуализации, самовыражении, реализации своего творческого потенциала. Эту последнюю потребность удовлетворить сложнее всего, и даже при достижении 40% уровня самоактуализации человек чувствует себя счастливым, но достигают этого уровня, по мнению А. Маслоу, только 1–4% населения Земли.

Несмотря на очевидную красоту и логичность теории иерархии потребностей, сам А.Маслоу в своих письмах отмечал, что теория, сделавшая его знаменитым, применима к пониманию потребностей человечества в целом, как философское обобщение, но никоим образом не может использоваться в отношении конкретного индивидуума.

Тем не менее, несмотря на уверенность автора в неприменимости его теории к реальным людям, теория иерархии потребностей Маслоу пережила уже тысячи (а может быть и десятки тысяч) попыток применить ее к реальной жизни в качестве основы для построения, например, системы мотивации и стимулирования труда. Ни одна из этих попыток не увенчалась успехом в силу индивидуальной и уникальной системы ценностей каждого человека. Действительно, голодный художник, испытывающий голод, т.е. «физиологическую потребность низшего уровня», не перестанет рисовать свои картины, т.е. удовлетворять «потребность высшего уровня». Таким образом, потребность высшего уровня не всегда является логическим (иерархическим) продолжением потребностей более низкого уровня.

Теория иерархии потребностей Абрахама Маслоу, иногда называемой «пирамидой» или «лестницей» Маслоу, является фундаментальной теорией, признанной специалистами по менеджменту во всем мире. В своей теории Маслоу разделил потребности человека на пять основных уровней по иерархическому принципу, который означает, что человек при удовлетворении своих потребностей движется как по лестнице, переходя от низкого уровня к более высокому.

Наше добавление к теории как философскому обобщению: иерархию потребностей должна венчать потребность человека в смысле жизни, поскольку смысл жизни в данном случае выступает как цель, а самоактуализация (самореализация) - как средство. Хотя понятно, что очень важным средством выступают и физиологические потребности человека.

От того, что смысл жизни относится к числу духовных потребностей, он не делается менее важным, чем телесная потребность в еде или душевная потребность в общении с себе подобными. Более тонкие механизмы проявления духовных потребностей в сравнении с телесными и даже душевными не отменяют огромного их значения для жизни человека и опасности, связанной с их неудовлетворенностью. И вот наличие настоящей потребности в смысле жизни является опровержением и позиции Камю, и всех прочих скептиков и агностиков. **Если у человека есть потребность в смысле жизни, то этот смысл можно найти.**

Тем и отличается потребность от простого пожелания: не всякая прихоть может быть удовлетворена, не всякая фантазия имеет реальный эквивалент, а вот **предмет** всякой потребности **есть**. Иногда, может быть, не удастся найти, например, еды, чтобы удовлетворить соответствующую телесную потребность, человек может умереть от голода, но это не отменяет того факта, что в мире еда есть. Человек может не иметь смысла жизни, может не найти его, человек может даже погибнуть, не найдя его, но все это не отменяет того факта, что смысл жизни есть, и найти его в принципе можно.

Таким образом, что же можно сказать, исходя из вывода о том, что **смысл жизни есть?**

То, что этот объективный смысл есть, означает только одно: жизнь человеку именно дана, притом дана не просто так, а **зачем-то**. Сам вопрос о смысле жизни, вопрос «зачем жизнь?» предполагает именно такое видение жизни. Притом если жизнь «дана» человеку как-то метафорически, то и о смысле ее можно говорить только метафорически. Наличие реального смысла жизни предполагает, что жизнь реально дана. Всякий смысл определяется конечной целью, *предназначением*, стало быть, и смысл жизни человека определяется **предназначением человека**. То есть, Тот, Кто жизнь дал, Он дал ее не просто так, а к чему-то человека предназначил: предварительным образом назначил человеку определенную цель. Это является залогом существования смысла жизни.

Таким образом, смысл жизни, если он вообще есть, может заключаться единственно в том, чтобы понять свое призвание, внять призыву, обращенному к тебе, откликнуться на него и быть верным ему, обратив свою свободную волю на реализацию своего жизненного предназначения. Однако эти слова остаются лишь формальным определением до тех пор, пока мы не ответим на вопрос, а в чем же заключается предназначение человека в этой жизни. То есть, конечно, можно и нужно предполагать, что есть разница индивидуальных предназначений людей, разница призваний, но при этом явно должно быть некое вообще «предназначение человека на земле», некое единое призвание, обращенное к человеку, как именно человеку. Элементарный здравый смысл требует того, чтобы все индивидуальные призвания были не более чем частными способами реализации общечеловеческого призвания.

Список литературы

1. Введенский А. Условия допустимости веры в смысл жизни // Смысл жизни: Антология / Составление, общая редакция, предисловие и примечания Н.К. Гаврюшина. М.: Прогресс-Культура, 1994. – С. 105.
2. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Смысл жизни: Антология / Составление, общая редакция, предисловие и примечания Н.К. Гаврюшина. М.: Прогресс-Культура, 1994. – С. 246.
3. Камю А. Счастливая смерть: Роман; Посторонний: Повесть; Чума: Роман; Падение: Повесть; Калигула: Пьеса; Миф о Сизифе: Эссе; Нобелевская речь. – М.: Фабр, 1993. – С. 471.

Цветков А.П. Сенс життя як призначення

У статті розглядається сенс життя людини в відношенні до Вічного, Абсолютного, Трансцендентного. У цьому контексті сенс життя трактується як загальнолюдське покликання і призначення.

Ключові слова: сенс життя людини, потреба в сенсі життя.

Tsvetkov A.P. Sense of life as destiny

In the article sense of life of man is examined in his attitude toward Eternal, Absolute, Transcendent. In this context sense of life is interpreted as a common to all mankind calling and destiny.

Keywords: *sense of life of man, necessity in sense of life.*